

Школа философствования

НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ*

Раздел V. Философия истории

Глава 15. Россия в меняющемся мире

§ 29. Историософия России

**§ 30. Будущее человечества и
выбор пути России в глоболизирующемся мире**

Б.В. МАРКОВ

§ 29. Историософия России

Вероятнее всего, старая испытанная формула «Православие, самодержавие и народность» сегодня уже не вызывает воодушевления, однако в современных проектах модернизации, несомненно, должно быть предусмотрено не только научно-техническое развитие, но и воспитание граждан, обладающих чувством ответственности за свою страну. Исход сельского населения в города, девальвация традиционных норм и ценностей в современных мегаполисах поднимают острую проблему сохранения духовного единства общества. Сами по себе социальные связи и экономическая интеграция в рамках разделения труда не решают главной проблемы — создания сильного устойчивого государства, поддерживаемого гражданским населением. Для этого необходима национальная идея, в основе которой должно лежать уважение к прошлому, удовольствию от настоящего и предсказуемость будущего. Но как раз этого-то и нет. Прошлое расценивается как «ужасное» и жестокое. Настоящее нам кажется неподлинным, отчужденным существованием, а будущее — апокалипсическим. В этих условиях весьма полезно обратиться к прежнему опыту конструирования национальной идентичности, попытаться понять его и по-своему использовать.

Пожалуй, первым воодушевляющим лозунгом, выведившим Россию на арену мировой истории, была крылатая фраза «Москва — третий Рим», что означало, что Россия является преемницей Византии, и ее метафизической целью является распространение православия по всей Земле. Новая славянофильская ее форма, представленная Хомяковым, также опирается на веру в Россию как единственную спасительницу остальных народов и подстановку на место вселенского — православно-го, а на место православного — русского. Достоевский еще более усилил эту идею своим утверждением, что Европа проповедует не Христа, а антихриста, что единственным народом-богоносцем остался русский народ.

* Продолжаем публикацию материалов учебника «Начала философии», подготовленного коллективом петербургских авторов (см.: Философские науки. 2010. № 5 — 12; 2011. № 1 — 10; 2012. № 5, 6, 8, 11, 12; 2013. № 2, 3).

Конечно, и раньше, и теперь было много желающих нести всемирно-историческую миссию. Ярким примером тому является отражение «русской идеи» в мечте В.С. Соловьева о религиозном интернационале. Философ при попытке обоснования избранности русского народа-богоносца столкнулся с вопросом, как он будет объединять мир, и отвечал, что он будет служить другим народам. Последователь Соловьева Е.Н. Трубецкой утверждал, что русские реагируют на зло смирением. Главная функция православия — быть символическим щитом империи — ярко проявилась во время Первой мировой войны, когда волна шовинизма накрыла с головой народы Европы.

В статье «Старый и новый национальный мессианизм» Е.Н. Трубецкой показал, как выворачивается мессианская идея и какова ее обратная сторона. При последовательном ее проведении она неожиданно переходит в свою противоположность. Его логика состоит в том, что в поисках русской идеи озабоченные ею мыслители проглядели своеобразие России. Национальный мессианизм всегда выражался в утверждении русского Христа, и Бердяев совершенно правильно считает его признаком утверждение исключительной близости и первенства какого-либо народа к Христу. Классическим примером этого является ветхозаветный мессианизм, утверждающий богоизбранность еврейского народа.

Без «миссианизма» нет и мессианизма. С. Булгаков, устранившись того, с какой легкостью мессианизм переходит в национализм, предложил идею «национального аскетизма», согласно которой следует сдерживать веру в богоизбранность и культивировать чувство ответственности. Народная по форме и вселенская по содержанию, христианская религия, по Булгакову, должна осуществиться в России. Воззрения на национальное не как на обособленное, а как на универсальное, входящее в синтез с другими народами, разделял Е. Трубецкой: «Подлинный Христос соединяет вокруг себя в одних мыслях и в одном духе все народы»². Если Бердяев указывал на антиномичность религиозного, национального, культурного, государственного (имперского) мессианизма, то Трубецкой полагал, что национальная гордость и готовность служить другим народам вполне соединимы. Он поясняет, что речь идет о «царственном достоинстве» по отношению к низшему и о смирении по отношению к высшему. Трубецкой указывает на то, что у русских мессианистов на первый план выходило универсальное и затенялось особенное. Он предлагал найти такую форму единства, в которой бы, наоборот, могло существовать особенное. Нельзя видеть русское только в том, что это есть истинная форма универсального. Когда такие притязания развенчиваются, то наступает, как у Чаадаева, отчаяние. Как говорил Соловьев, или русский народ есть народ-богоносец, или — колосс на глиняных ногах. Поскольку замена православной идеи коммунистической лишь ненадолго продлила его существование, обратная замена вряд ли будет эффективной. Нам следует по-своему сбалансировать «земное и небесное».

Сегодня единство России связывают с национальным самосознанием. Нация — это, прежде всего, такая духовная общность, которая присутствует во всех частях, в институтах семьи, общины, народа в целом.

Единство нации, ее защита — это то, что должно составлять смысл существования индивида, готового отдать за родину самое дорогое, что у него есть — свою жизнь. В отличие от этноса, нация считается политическим феноменом. Однако наибольший вклад в ее конструирование внесли историки. Генеалогическая история апеллирует к великим предкам, к их славным деяниям с целью пробуждения героики настоящего. История выступает как форма сохранения живой памяти, которая переносит величие предков на их потомков. Например, летопись — своеобразный ритуал власти: деяния князей не являются мелкими и бесполезными, любой их поступок превращается в подвиг. Такая история формулирует примеры для настоящего.

Кроме историков, свой вклад в понимание нации внести юристы. Государственно-правовой подход сосредоточен на легитимации власти, объединяющей людей в правовое общество. Юридический дискурс описывает историю как эмансипацию общества, в основе которого лежит право и свобода. Произвол власти ограничивается законом. Примером такого исторического нарратива в нашей традиции является история России С.М. Соловьева. Власть уже не воспринимается как связующее начало города, нации, государства. Раскрывается ее оборотная сторона. Те, кого славил генеалогическая история, разоблачаются как насильники и узурпаторы. История побед заменяется историей поражений. Это история разоблачений порабошающей нас власти. В этом же русле движется и критика идеологии, раскрывающая циничный облик власти

Согласно старым представлениям, национальная идея должна быть органичной. Поэтому интеллигенция стремилась к единству с народом, который, в отличие от выходцев из него, не знает проблем с идентичностью. Но существует ли в сегодняшней России народ, не превращается ли он в неструктурированную массу, которая не хочет никаких идей? Ей нужно лишь потребление и развлечение. В эпоху глобализации эмоциональная связь с местом, языком, культурой, обычаями и сородичами уже не является столь же прочной как в традиционном обществе, однако чувство родины, как архетип, живет в сознании наших современников.

В эпоху глобализации изменились понятия не только «народа», но и «класса». С одной стороны, это исключает возможность революций. С другой стороны, новые социальные и экономические агенты и агломерации порождают новые проблемы: сегодня предприниматели привлекают в качестве дешевой рабочей силы «гастарбайтеров», которых ненавидит местное население и которые в свою очередь ненавидят Россию. Если мы будем развиваться таким путем, то получим те же конфликты, что и в современной Европе. Если прошлое не уходит, а продолжает жить в нашей памяти, то для преодоления ксенофобии недостаточно провозглашения принципов толерантности. Скорее всего, нам следует смириться с тем, что не все различия могут быть преодолены и не все конфликты сняты. Нам нужно научиться жить с другими и чужими в условиях напряженности и конфликтности. И для этого как нельзя лучше подходит старинная практика гостеприимства: тот, кто приходит в гости, соглашается вести себя по правилам, существующим в доме хозяина.

Крепкое государство представляет собой духовное единство и пользуется уважением со стороны граждан, которые в минуты опасности поднимаются на его защиту. Сегодня проблемы национальной и социальной идентичности стоят особенно остро, и многие исследователи считают, что XXI век будет эпохой этнических конфликтов. Мы убеждены, что этно- и культурогенез могут и должны быть осуществлены в цивилизованных рамках, исключающих военные конфликты. Соперничество наций необходимо постепенно переводить в плоскость экономической и культурной конкуренции и взаимодействия.

Подводя итоги спорам о том, какая национальная идея нужна нам сегодня, можно признать, что по своему содержанию она может быть либеральной или консервативной, социалистической или демократической. Главное, ее нужно сформулировать так, чтобы она была привлекательной, т.е. не предлагала ничего такого, что привело бы к ухудшению положения людей, к возникновению чрезвычайной ситуации.

§ 30. Будущее человечества и выбор пути России в глобализирующемся мире

В поворотные моменты истории люди живут в напряженном состоянии между ожиданием кризиса и надеждой на возрождение. Это не только отражение объективных трудностей, но и мобилизация духовных сил, пробуждающая различные реакции — от политических революций до решимости к внутреннему самосовершенствованию. Как и все другие противоположности, различия активного действия и духовного самозерцания должны преодолеваются путем открытия или создания условий для новых возможностей. Конечно, необходимость выбора мобилизует ответственность, отрывает человека от повседневных забот и заставляет осмыслить свою гражданскую позицию и исполнить нравственный долг. Однако полезно задуматься и о том, а из чего, собственно, предоставляется возможность выбирать и нельзя ли расширить горизонт решений. Великие философские вопросы «кто я?», «откуда я?» и «зачем я?» нередко склоняют нас к максимализму. Однако мудрость жизни состоит в умении обходить резкие грани и соединять в жизни то, что в абстрактных теориях считается несоединимым.

Все сказанное относится и к оценке нашего нынешнего состояния, и к ожиданиям лучшего будущего. Наверное, с самого начала своего возникновения люди были недовольны своим настоящим, однако долгое время идеализировали прошлое и со страхом глядели в будущее. Христианство, напротив, обратило взоры людей к вечному, а эпоха технического прогресса, сохранив устремленность вперед, поставила будущее в зависимость от развития науки и промышленности. Но конец XX в. снова обратился к ожиданиям зловещего конца света, нигилизму и переоценке всех ранее усвоенных высших ценностей. В чем же причины столь нерастраченного восприятия своего будущего у людей, живущих в сравнительно более благополучных, чем раньше, условиях?

Прежде всего, нельзя не видеть границ возможностей промышленного освоения природы, близости исчерпания ресурсов Земли в результате

их нерационального использования, когда большая часть добываемого сырья идет в отходы. Если добавить к этому загрязнение окружающей среды, приводящее к тому, что не только воздух и вода, но и производимые с огромным трудом продукты (и особенно средства питания), отравлены химикатами и солями тяжелых металлов, то сложится поистине нерадостная картина, где самой несчастной фигурой оказывается уже не индивид, а, как в Апокалипсисе, человеческий род в целом, и даже без надежды на спасение «избранных».

Другая причина пессимизма — военная угроза. Люди на всем протяжении своей долгой истории живут в условиях перманентной войны, и это склоняет к философским выводам об изначальной агрессивности человека, которая вытекает из его биологической сущности: как все слабые животные, человек вынужден быть агрессивным. Он должен был, в борьбе с природой и себе подобными, культивировать изначальную агрессивность и соперничество. Однако став самой могущественной на Земле силой, люди обратили эту агрессивность против себя и тем самым создали новую угрозу для своего существования. Человек выжил благодаря сдержанности, самодисциплине, ответственности, разумности и моральности. Он способен затормаживать свои агрессивные наклонности, и поэтому моральное воспитание всегда имело большое значение для сохранения человеческого рода, но для предотвращения войн его, конечно, недостаточно. Войны случаются даже тогда, когда, по крайней мере, на словах, никто этого не хочет, и, наоборот, все стремятся к миру. В сущности, безумная гонка вооружений в нашу эпоху происходит вопреки по-своему рациональной и обоснованной доктрине оборонной достаточности, когда никто не собирается нападать первым, а вооружается исключительно с целью предотвратить возможность чужой агрессии. Однако в результате накопилось столько оружия, что можно несколько раз уничтожить все население нашей планеты и сделать ее непригодной для жизни. Это и формирует скрытый, затаенный страх, подпитывающий пессимистические прогнозы в отношении будущего. Очевидно, что, если человечество озабочено выживанием, оно должно не только заключать сложные военно-политические договоренности, но и начать постепенные шаги, которые исключили бы саму возможность военной, и особенно ядерной, катастрофы.

Еще одно основание для пессимизма дает эволюция социальной системы. Прошлое оставило нам в наследство либеральные идеи и надежды на реализацию свободы, равенства, справедливости, демократии. Политическое мировоззрение людей было проникнуто подобного рода идеями. Между тем, история XX столетия отмечена печатью тоталитарных режимов, и это немало способствовало тому, что и в «открытых обществах» власть прибегала к образу врага и использовала существование тоталитарных режимов для угнетения своих сограждан. Поэтому сегодня перспективы выбора лучшего политического и социального устройства по-прежнему неясны и ограничены. В России возникли неожиданные для теоретиков трудности с реализацией моделей западной демократии. На Западе либерализму противостоят консерваторы. Одни считают, что западное общество неизбежно распадется, если не возродит универсаль-

ные духовные связи между людьми, на основе которых крепится солидарность и дружеская поддержка. Другие настаивают на необходимости оживления связи людей символами «крови и почвы», которыми всегда укреплялись могущественные государства.

Наконец, серьезные опасения вызывает состояние самого нравственного сознания. Священники и философы, интеллектуалы и деятели культуры призывают к оздоровлению современного общества. Если «страшный гость» — нигилизм — в XIX в. стоял у дверей, то сегодня он уже внутри и порастил сознание не только разочарованных в жизни интеллигентов, но и большинства обычных людей, которые, не критикуя и не сомневаясь, вообще не думают о высших ценностях. Сегодня философы предупреждают не о «смерти Бога», а о «смерти человека». Речь идет о переосмыслении эпохи «просвещенного атеизма», разрушившего веру в Бога. Безусловно, он имел серьезные основания и был вызван развитием человеческого самосознания, которому уже не нужна была подпорка в виде веры во всемогущее существо, — человек мог опираться на собственные знания и моральную ответственность. Однако экспансия знания во все сферы духовного опыта парадоксальным образом привела к утрате смысла человеческого существования. Эта утрата стала опорой нигилизма, который разоблачал христианскую мораль как иллюзорный способ сохранения устоев жизни, скрытую форму власти «слабых» над «сильными», не преодолевающей насилие, а основанную на нем. Однако нигилизм никак нельзя счесть позитивным и жизнеутверждающим мировоззрением. Мировые войны с их ужасами оказались возможны благодаря молчаливой покорности и неверию в дееспособность человеческих идеалов.

Исходя из этого весьма неполного перечня проблем, которые сегодня считаются глобальными, угрожающими не просто отдельному человеку, а всему человечеству, становятся понятны основные направления предсказаний будущего, в ходе которых мысль пытается найти выходы из сложившейся ситуации.

Так, сильное впечатление на политиков и общественность произвели прогнозы и предупреждения членов Римского клуба, объединившего видных ученых, специалистов и бизнесменов из тридцати стран мира. Они сделали вывод о наступлении в первой половине XXI столетия глобальной катастрофы, если действующие тенденции технического прогресса останутся прежними. Члены Клуба рекомендовали перейти к «нулевому», а затем «органическому» росту и призывали к прекращению гонки вооружений, более рациональному использованию природных ресурсов и помощи слаборазвитым странам. В последние годы более пристальное внимание стало уделяться внутренним — социальным, психологическим, культурным и им подобным пределам роста³.

Предлагаемые учеными проекты и сценарии будущего развития вызваны осознанием границ научно-технического развития и выступают в качестве своеобразного предупреждения, призыва к поискам новых решений или к морально-ответственным действиям, направленным на отказ от безудержного потребления природы, на более рациональное ее

использование. Современные модели устойчивого развития отличаются интересом к общественным проблемам и, моделируя лучшее будущее, допускают возможность принципиально новых открытий, на основе которых можно было бы улучшить человеческую жизнь. В отличие от научных прогнозов, в которых не учитываются возможные социальные, культурные, моральные потрясения или изменения, утопии, как форма предвосхищения будущего, связаны с верой и ожиданием лучшего: они предлагают нетрадиционные способы разрешения тяжелых проблем современности. Среди них выделяются технократические и морально-политические (социальные) утопии.

Примером технократической футурологии служит концепция американского философа и социолога *Элвина Тоффлера* (род. 1928)⁴. Его надежды связаны с «третьей волной» информационной технологии, которая должна явиться вслед за «второй волной» (индустриальной). На базе новых технологий будут реализованы идеалы будущего:

- свободный труд, который выступает как неоплачиваемая работа для себя и своих близких;
- свободный брак, напоминающий растянутую во времени полигамию;
- свободный союз всех наций, заменяющий «белую интермедию» новым «техноцветным миром».

Становление *постиндустриального общества* характеризуется переходом от индустриального труда к сервисному и развитием сферы услуг, а также превращением науки, и информации в целом, в инструмент технического и социального развития. Ядерный синтез и солнечный свет открывают новые безопасные источники энергии. Новые средства связи — электронные микросхемы, стекловолоконные каналы передачи информации, спутниковые системы связи — в совокупности с компьютерной техникой открывают безграничные возможности коммуникации и развития человеческого разума. Тоталитарные режимы в этих условиях станут попросту невозможны, так как благодаря коммуникативным связям каждый непосредственно сможет высказать остальным свое мнение и не будет ограничен в доступе к телеэкранам и средствам массовой информации.

Социальные и морально-религиозные утопии отечественных мыслителей связаны с поисками возможности построения бесклассового общества, образованного духовными ценностями. На пророчества Н. А. Бердяева решающее влияние оказал кризис западной цивилизации и надежда на русский духовный ренессанс, основанный на ценностях христианского гуманизма. Бердяев был одним из первых, кто остро почувствовал дегуманизацию человека, стремительно деградирувавшего в эпоху научно-технического прогресса. «Закат Европы» он видел в деперсонализации людей и победе технических решений в сфере политики и культуры. Бердяев жил в катастрофическую эпоху и на себе испытал беспощадность истории к человеку. Как философ, он искал смысл человеческого существования и поэтому напряженно всматривался в прошлое, настоящее и будущее России. Бердяев считал, что человечество стоит перед выбором: или раствориться в мире техники и самому стать

машиной, роботом, или решиться на усилие нравственного возрождения, отказавшись от тех соблазнов, которые дает бытие под сенью техники и власти. Необходима победа духа над техникой, свободы — над конформизмом. Будущее России философ видел как исторический процесс возвращения к миру свободы и творчества. Он призывал христиан к такой жизни, в которой «соборность» станет главным принципом общежития, обеспечивающим равенство и нравственную солидарность всех людей.

Россия как синтез великих культур Запада и Востока осмыслялась в так называемом *евразийском движении*. Важно отметить, что речь шла не о новых ценностях и идеологических стереотипах, а о реальных взаимодействиях народов, каждый из которых живет на своей собственной территории и обладает самобытной культурой. Позитивное значение евразийской утопии состоит в отказе от духовного колониализма и в призыве учитывать своеобразие этносов. Космополитизм и интернационализм нередко оборачиваются культурным шовинизмом, поэтому евразийцы видели будущее за «истинным национализмом», который состоит не в заимствованиях чужих этносов и не в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в самопознании. Это долг, хорошо сформулированный двумя афоризмами: «Познай самого себя» и «Будь самим собой». Продолжая евразийскую ориентацию, Л.Н. Гумилев утверждал, что общечеловеческая культура, единообразная и одинаковая для всех, невозможна, и что именно мозаичность человечества придает ему необходимую пластичность, благодаря которой оно как вид сумело выжить на земле⁵. В век господства социально-политических схем Л.Н. Гумилев выступил с природно-географических позиций и удачно объяснил движение древних народов не политическими стремлениями к покорению чужих земель, а природными факторами.

Судя по народным утопиям, утопическое государство кажется нам привлекательным, так как оно будет реализовывать не только основные потребности, но еще и справедливость. Каковы же тенденции изменения современного общества? Парадокс в том, что все говорят о прогрессе, а социальное пространство деградирует. В условиях роста больших городов, где люди пребывают скученными в толпу, общество, по сути, исчезает. Что же происходит в наших выставочных и концертных залах, в супермаркетах, в школе и на работе, где индивиды теснятся на виду друг у друга? Первое, что бросается в глаза, — отчужденность. Люди стремятся не замечать друг друга. Конечно, всюду царит вежливость, и каждый старается прилично выглядеть. Однако это и создает невидимый барьер для общения. Раньше, побывав на ярмарке, человек узнавал все новости. Посещение сельмага давало информации больше, чем телевизор. А главное, сообщаемые новости не воспринимались с характерным для современных горожан безразличием. Конечно, и в устной и, тем более, в письменной культуре живое участие граждан в общественной жизни нередко сводилось к сплетням и пересудам. Однако в целом люди ощущали себя звеньями единой цепи и отзывались на беды другого не только вежливым сочувствием, но и реальной поддержкой.

Условием правильного выбора модели развития современного российского государства как альтернативы его распада должно стать осознание того обстоятельства, что общество не является безличной структурой, как оно выглядит в моделях политологов и социологов, а остается, особенно в своей приватной сфере, формой бытия с другим, для чего, собственно, и предназначен человек. Тот факт, что, добившись независимости, он ужасно страдает от одиночества, вселяет надежду, что общество все-таки сохранится не только как система безличных связей, но и как частная жизнь людей, стремящихся к духовному единству, к общению на эмоциональном уровне. Вопрос в том, как на практике осуществляются идеалы единства. Самый беглый обзор социальных технологий показывает, как далеки современные способы консолидации людей от прежних моделей. Для понимания этого следует обратиться к анализу повседневных практик, используемых для достижения единства общества. Прежде всего — это строительство величественных сооружений, в которые вкладывались значительные средства. Со времени Просвещения был взят тренд на строительство грандиозных общественных зданий, в которых располагались церкви, библиотеки, музеи, театры, университеты. Это не просто символы величия национального государства, но и общественные места, в которых образованная публика достигала единства на основе публичных речей и дискуссий. В наше время эти пространства или пустеют, или меняют свои функции.

Сегодня после осознания опасности децентрации, характерной для постмодерна, вновь начались поиски новой целостности. С освобождения от труда и почвы (земля превращается в зону отдыха) начинается новая эра, где желание становится гражданским долгом. Музеи, концертные и выставочные залы становятся местами зрелищ и тусовок. В музее можно поесть, выпить и развлечься. Банк, универмаг — тоже сцена искусства, которое становится частью индустрии развлечения и потребления.

Единство людей обеспечивают и масс-медиа. Именно они диктуют, как надо жить. Сегодня это происходит посредством рекламы и зрелищ. Вопрос о человеке — это вопрос о медиумах, и тот факт, что эпоха эпистолярного гуманизма приходит сегодня в упадок, не означает, что наступает эпоха варварства, одичания и террора. Информационная революция привела к созданию единого коммуникативного пространства. Благодаря Интернету можно свободно пересекать границы государств и практически мгновенно связаться с любым жителем Земли, если, конечно, у него есть персональный компьютер, подключенный к «всемирной паутине». Описанные сдвиги в эволюции коммуникативных систем можно рассматривать как основу для построения тех или иных философских моделей коллективности.

Вопрос в том, насколько эффективны современные практики конструирования идентичности, насколько подлинными являются способы самореализации в сфере потребления и развлечения. Конечно, их нельзя отбрасывать с порога, считая массовую культуру чем-то бездуховным. На самом деле популярная культура сближает искусство с жизнью, правда не совсем так, как мечтали философы. Точно также нельзя расценивать

потребление как нечто глубоко чуждое русскому национальному характеру, который сложился на почве труда и служения отечеству. Думается, что философская критика не должна выплескивать из ванны ребенка вместе с водой. Потреблять и развлекаться нужно уметь. Экономика захватывает человека как потребителя, философия должна развивать искусство существования, где потребление и развлечение являются не только сегментом рынка, но и источником удовольствия⁶.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что идеи свободы, равенства, солидарности и справедливости образуют ядро человеческих желаний. В сущности, этот набор входил еще в христианскую философию, был секуляризирован социал-демократическими идеологиями, что стало источником модернизации. Вместе с тем права и свободы индивида имеют довольно ограниченную сферу применения и не определяют, как человек реализует право на жизнь. Будет он хорошим или плохим человеком, зависит от воспитания; будет он умным или глупым, зависит от качества образования; будет он врачом или военным, зависит не только от личного выбора, но и от набора профессий, которые предоставляет общество. Таким образом, нужно говорить об ответственности личности перед другими людьми. Ее права не должны нарушать права общества.

Современное общество должно восстановить арсенал прототехнологий формирования и воспитания людей. Недодав ребенку любви и тепла в семье и дома, нельзя наверстать упущенное путем образования. Как бы потом их не приучали на уроках этики к толерантности, отсутствие сострадания и сопереживания приводит к ужасным эксцессам, которые имеют место как в школе, так и в казарме. Существует набор антропологических констант и практик формирования мировоззренческих основ, которые должны воспроизводиться на любом уровне развития цивилизации. Иначе за комфорт мы заплатим душевной пустотой, а за благоденствие — падением рождаемости, т.е. детско-материнской нищетой.

Задания

Для самоконтроля:

1. Как понималась миссия России до и после петровских реформ?
2. Опишите образ России в понимании славянофилов и западников.
3. Каковы глобальные проблемы человечества?
4. Опишите основные сценарии возможного будущего.

Для закрепления материала:

- Выпишите в тетрадь основные ответы на вопрос: «Как понималась миссия России на протяжении ее истории?»
- Заполните таблицу «Типы сценариев будущего».

Технократические	Нравственно-религиозные	Социально-утопические

Для обсуждения:

- Объединившись в группы по 4 человека, обсудите и сформулируйте в письменном виде вопросы, которые Вы хотели бы задать учителю для разъяснения.
- Продолжая работать в той же группе, обсудите выражение Тютчева «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить. У ней особенная стать, в Россию можно только верить».

ПРИМЕЧАНИЯ

² См.: *Трубецкой Е.Н.* Старый и новый национальный мессианизм. Избранное. – М., 1995. С. 309.

³ См.: *Медоуз Д.* и др. Пределы роста. – М., 1991.

⁴ См.: *Тоффлер Э.* Третья волна. – М., 2000.

⁵ См.: *Гумилев Л.Н.* Многообразие культур // Наше наследие. 1991. № 3. С. 21.

⁶ Цивилизация: вызовы современности. – СПб., 2009.

Аннотация

В статье раскрывается эволюция национальной идеи и содержание основных проектов модернизации России, реконструируется ее образ от петровских реформ до наших дней. Обсуждается вопрос о месте России в современном мире и различные сценарии будущего.

Ключевые слова: русская идея, национальный характер, Россия и Европа, гражданское общество, образ России.

Summary

In the article the evolution of national idea and the matter of the basic projects of modernization of Russia is explained, its image from the reforms of Peter the Great up to present day is reconstructed. The questions on a place of Russia in the modern world and various scripts of the future are discussed.

Keywords: Russian idea, national character, Russia and Europe, civil society, image of Russia.